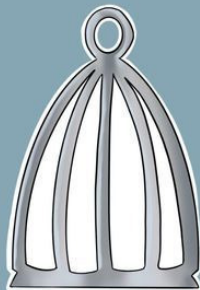
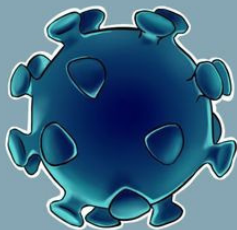

18+

Татяна Демьяненко

ХРОНИКИ карантина

Татьяна Демьяненко

Хроники карантина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57488153

ISBN 9785005139443

Аннотация

У многих людей в 2020 появился новый опыт – опыт проживания в изоляции. Для каждого из нас он был особенным. Эта книга – сборник ежедневных публикаций автора на протяжении пятидесяти дней карантина. Погружение в прошлое, открытия настоящего, мечты о будущем – маленькая жизнь в пятьдесят дней, свидетелем которой вы можете стать

Содержание

День 2	5
День 3	7
День 4	10
День 5	15
День 6	19
День 7	22
День 8	28
День 9	34
День 10	41
День 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Хроники карантина

Татьяна Демьяненко

© Татьяна Демьяненко, 2020

ISBN 978-5-0051-3944-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День 2

Всего лишь позавчера я свободно перемещалась по городу. Три дня назад — сидела на берегу реки, а четыре – бродила по лесу. Вчерашний день я почти не помню, так и стирается в памяти что-то весьма предсказуемое и однозначное, но при этом совершенно неожиданное. Вроде смерти. Я давно ожидала введения карантина, но не выбирала его, не была готова к нему. Испугавшись, что вслед за первым днем исчезнет второй, третий и e.t.c., я решила доверить бумаге внутренний хаос. Глядишь, из него сложатся движущиеся картинки.

Я и мои домашние – муж и дочь-подросток – обживаем новое пространство – сорокаметровую камеру с санузелом, небольшой кухней и (какое счастье!) крошечным балконом. Арендванная квартира недавно стала нашим временным пристанищем, а множество ее недостатков с лихвой компенсировались достоинством пешей доступности всего, что было так необходимо! Теперь остались лишь недостатки. Эта квартирка, как коза из известной притчи. Сейчас я еще верю, что избавлюсь от этой козы и то, что я не хранила прежде, а потерявши плачу, вновь вернется в мою жизнь, чтобы я могла вновь беззаботно перестать хранить.

То, в чем я остро нуждаюсь сегодня:

– Пение птиц

- Отсутствие звуков речи домашних в тот момент, когда я пишу
- Удобное кресло
- Мясорубка, оставшаяся на другой станции в движении по этапу переезда
- Морозилка, которая могла бы заморозить пельмени, которые я бы налепила, если бы у меня была мясорубка

День 3

Читала советы полярников о том, как выжить в карантин. На полярной станции прибегают к рассогласованию циклов: когда один просыпается, другой ложится спать. Вуаля, и у тебя появляется личное пространство. Им проще, у них полярная ночь.

То обстоятельство, что все мы – беспросветные жаворонки, сейчас изрядно мешает. Вчера я заказывала пение птиц, а сегодня оно меня разбудило в пять утра. Я не определилась, под что из этого приятнее просыпаться: под пение скворцов за окном или под топот «жаворонков» в квартире. Однако, скворцы позволили мне захватить немного личного пространства.

Мне нравится писать утром: вчерашний день уже прошлое, в него приятно заглядывать, отыскивать недостающие детали, прикладывать к еще более глобальному прошлому, сверяя по цвету и размеру и, наконец, приклеивать. Чтобы завтра искать в этой аппликации место новому прошлому.

Карантин продлили. Новость была ожидаемой, но около получаса я сидела, тупо глядя в пространство, путаясь в мыслях, ощущая себя вне времени и места. В глазах застыли слезы. Я стала каменным изваянием, в котором по досадной оплошности природы совершалась хаотичная когнитивная работа. Все прошло мгновенно, стоило только мужу обнять

меня. Я и не знала, что мой муж – антипод медузы Горгоны. Надеюсь, что он не Персей.

Вчера моей бабушке исполнилось бы 97 лет. Война застала ее в восемнадцать в роли медсестры. На некоторых ее фотографиях глаза пропитаны ужасом бездны. На других – искрятся безудержным весельем, возможное лишь для человека, знакомого с адом. Я не помню ее глаз, смотрящих на меня, они всегда были преувеличены очками. Видимо, на такую степень запертых внутри переживаний нельзя глядеть иначе, чем через линзы.

Последние два года своей жизни бабушка провела в полном сознании, прикованная к кровати. В ее комнате не было даже телевизора. Сейчас мне безудержно ее жаль, тогда я испытывала к ней совершенно другие чувства. Я скучаю по ней...

Воспоминания о бабушке тесно связаны с квартирой, в которой я провела столько времени, сколько после не жила нигде: двенадцать лет. С года до тринадцати. Квартира находилась на втором этаже дома, а на первом располагалась пожарная команда: с тех пор звук сирены меня лишь умиротворяет. На крыше торчала каланча, мы поднимались на нее с папой по прогнившей лестнице: смотреть на звезды. На плоской крыше можно было загорать и рвать черешню с недоступных снизу веток. В окно был виден вечный огонь – сердце сквера напротив, оживавший в майские праздники нарядным потоком ветеранов. Кажется, бабушка не ходила

туда никогда... А уж тем более никогда не говорила о войне.

В начале мая мы должны были переехать в собственную квартиру, так похожую на ту, из детства. «Авито» в качестве блошиного рынка оказался отличным источником мебели и посуды прошедшей эпохи. Сейчас я каждый день люблю целыми кобальтовыми чайными парами ленинградского фарфорового завода: и прошлое с будущим соединяются. И внешние события становятся не столь важны. Ну, конечно, кроме магазинов, в которые пока еще разрешено выходить.

Список дел, который я хотела бы успеть сегодня:

- Дочитать «Вторую жизнь Уве»
- Посмотреть всей семьей «Кин-дза-дзу»
- Почитать вслух путешествие четырнадцатое из «Звездных дневников Ийона Тихого»
- Посмотреть еще одну серию из цикла «Мост над бездной»
- Досмотреть сезон «Полицейского с Рублевки»
- Сходить в магазин
- Сделать зарядку.

День 4

Скворцов и жаворонков опередили (или приняли у них эстафету) мартовские коты, оживившиеся по странному стечению обстоятельств в апреле со своим кошачьим концертом, даваемом в подъезде. Подъезд, по всей видимости, оказался привлекательным для них из-за своей акустики и многочисленных вариаций удачной диспозиции. Дверь подъезда нынче всегда открыта: лишнее прикосновение к ручкам объявлено вне закона.

Это кажется невероятным, но активность котов случилась именно в ту ночь, когда я чувствовала себя голубем, двигаясь по тангенсоиде от жаворонка к сове. Отойдя ко сну в 23—00, уже в 2—20 я проснулась от ужасающих криков младенца. Несколько мгновений ушло на осознание того, что я сейчас не повторяю свое заключение в девятилетнем детстве и не попала в петлю времени. Еще несколько – на доступ к той части памяти, которая категорично утверждала, что в нашем подъезде отсутствуют младенцы. В это сложно поверить, но я забыла, как кричат коты. Крик младенца выдержать проще. Вскоре к кошачьим завываниям добавилось: «Брысь! Пошли вон!», что должно было стать мощным завершающим аккордом и вызвать аплодисменты мучающихся бессонницей жильцов. Однако, те оставили артистов без признания. Совершенно непонятно, зачем они возвра-

щались к столь неблагодарным слушателям снова и снова.

Вчерашний день, в котором я выполнила все намеченное, прошел под эгидой поиска места. Поскольку мы не планировали проводить столько времени в квартире, то арендуя ее не придали большого значения отсутствию комфортных мест для сидения, лежания или, на худой конец, стояния. Сейчас ситуация осложнилась неутолимим желанием хотя бы один час провести одной в комнате, чтобы вообще НИКТО не мог войти туда. Поэтому, туалет не подходил. Пройдя круг мытарств, я одолжила у дочки подушку-дакимакуру и устроилась на полу крошечного балкона. Этот час был весьма восстановительным, но, кажется, я получила в довесок последствия сидения на холодной земле, существование которых я всегда отрицала: нарочно сидя на земле подольше, если кто-то рядом забрасывал меня указаниями с нее подняться.

Полулежа на балконе, я вспомнила о недавнем разговоре с подругой и ее новой покупке – удобном кресле. Она советовалась со мной о расцветке, и я влюбилась во все три. «Гори оно все огнем», – решила я, и внезапно появилась перед мужем, организующем себе личное пространство при помощи звуконепроницаемых наушников. Муж вздрогнул от моей решимости и остервенело горящих глаз.

– Давай купим кресло! – сказала я с яростью.

– Давай, – ответил он с облегчением, видимо радуясь, что я не планирую организовать в квартире каторжные работы.

Завтра кресло приедет: боль в спине победила мой прижимистый мозг. Я обдумываю систему внутренней валюты, при помощи которой мы будем делить на троих время, проведенное в кресле.

Сегодня я приготовлю борщ. Вечером квартира пропахла заблаговременно сваренным бульоном. Возможно, это он привлек котов и не давал мне вовремя уснуть, вызывая обильное слюноотделение. Я вспоминаю, что у меня есть все, кроме петрушки, а значит, ура, есть повод еще раз сходить в магазин! Ну какой может быть борщ без петрушки?

Борщ – это целая эпопея. То, что на мой взгляд, передает душу каждой кубанской хозяйки. Сейчас, в эпоху массового паломничества на Кубань, разговаривая про борщ (а тем более, пробуя его) можно вычислить любого переселенца. Впрочем, я сама местная лишь в первом поколении, но именно те, кто раньше воспользовался некой возможностью, более ревностно относятся к тем, кто открыл ее позже. Старшие сестры. Первые дети мигрантов.

В детстве я ненавидела борщ. Он был тем блюдом, которое никогда не кончалось: ни в тарелке, ни в кастрюле. Но при этом много лет просила маму помочь мне овладеть кулинарным искусством его приготовления. Помню, что уже в пятнадцать, возраст, в котором началось мое самостоятельное проживание, было очень стыдно не уметь варить борща. Мама всегда говорила так: «Смотри, как я варю, и учись». Этот ответ меня совершенно не устраивал, я оставалась кулинар-

ной неумехой, а учиться варить борщ в другой семье – это все равно, что оказываться удочеренной иным племенем.

Так прошло пару лет. Я попросила рецепт у бабушки. Она продиктовала мне его за пару минут. Похоже, у них с мамой разные сигнальные системы. А мой борщ теперь совсем не похож ни на мамин, ни на бабушкин. Но он, только представьте, нравится мне! Я полюбила борщ (что вряд ли можно сказать о моей дочери).

Итак, сегодня я сварю борщ. Бульон из в наличии, в холодильнике своей очереди ждут , , и , в шкафу припрятаны и , под столом, в плетеной корзине – . Ну и, надеюсь, еще не оказалась вне закона за эту ночь вкупе с походом в магазин. , делающего борщ не просто вкусным, а фееричным, боюсь, добыть не получится. Если в вашей семье не варили борща, а вам это жизненно необходимо, так как судьба занесла вас на Кубань, я готова быть вашим кулинарным наставником. Приходите, наблюдайте, как варю я и учитесь. *сви-
нины капуста болгарский перец морковь свекла томатная
паста растительное масло картошка петрушка Корень па-
стернака*

То, что сегодня вдохновляет:

- Муж, который все еще спит
- Тишина в подъезде
- Фантазии о кресле
- Блинные сковородки и молоко
- Прогноз погоды для выгула на балконе

– Присутствие света, воды и интернета пусть даже отвратительного качества

День 5

Начинает приходить пустота. Время приобретает удивительное течение: на первый взгляд, кажется, что весь день в моем распоряжении, ведь нет уже никакого выстроенного поминутного графика, но ррраз и наступает вечер, минуты набирают космические обороты в Кайросе, оставаясь неизменными в Хроносе.

Вчера в нашей машине сел аккумулятор. Муж ежедневно под угрозой штрафа спускался к ней и заводил мотор минут на десять, но оказалось, что ей нужна была . Сегодня я чувствую себя такой вот ненужной и при этом ненасытной машиной, которой, подумать только, недостаточно прогреть. *хоть какая-то езда*

Я перегружена информацией: размышления Лема сцепились с историями Паолы Волковой и, потому, на сегодня я убеждена, что все великие художники транспортированы к нам из будущего в ссылку при помощи хронометра. Шведский бирюк Уве бродит по моему внутреннему миру под руку с зеленоглазой татаркой – Зулейхой, и оба они являются страшным сном после внушительной попойки полицейского Гриши, перенесенного мной из Рублевки в трущобы, в которых уже живет индийский «миллионер». Про мальчика, игравшего главную роль в «Миллионере из трущоб» я недавно видела сюжет из «Орла и решки» (проекта, существую-

щего во времена разрешенных перемещений между странами): продюсеры фильма подарили ему квартиру в Мумбаи площадью, кажется, двенадцать квадратных метров. В ней теперь живет он, его мама и их соседи по трущобам, но для них и это уже дворец. Такие вот условия.

Для меня таким дворцом была квартира, о которой я уже упоминала в какой-то из дней карантина. Сидя здесь, в чужом доме, словно в ссылке, мне хочется вновь и вновь возвращаться туда. Квартира была двухкомнатной. Двухметровый коридор. Первая крохотная комната, бабушкина, с окном, выходящим на соседний двор и со шкафом, пропахшим нафталином – безупречное место для игры в прятки. Вторая – «огромная», четырнадцатиметровая, угловая, с окнами на разных стенах. В одно из них я выглядывала маму с работы, с другого – контролировала выход подруги на улицу в соседнем дворе. Здесь жили в тесноте, да не в обиде мы четверо: мама и папа, я и сестренка. В кухне зимой за окном ставили кормушку, к нам прилетали воробьи и синицы, частые гости спали здесь на раскладушке (а кто-то однажды даже на кухонном столе), здесь играли в лото, карты, лепили пельмени, сидели при «веере» за керосинкой, в общем вели активную светскую жизнь. Совмещенный санузел выглядел, как я сейчас понимаю, удручающе, у нас не было ни горячей воды, ни колонки, зато в пятидесяти метрах от дома находилась общественная баня, в которой я близко познакомилась с разнообразием женского мира.

Орехи мы кололи дверью, ведущей в кухню: кладешь орех в уголок и медленно закрываешь дверь, чтобы орех лишь надломился, но не превратился в труху. Некоторые орехи не поддавались. Когда бабушка еще работала, папа часто уходил читать в ее комнату, стены были толстые, ни разу в жизни мы не слышали ни одного из соседей, при необходимости мы вызывали папу в комнату, колотя по смежной стене, на которой висел ковер. Уроки я делала, лежа на полу на животе, под громко работающий телевизор. У меня совершенно отсутствовало личное пространство территориально, но было его более, чем достаточно психически. Со всем иначе было в другом доме, в котором прошла часть моего детства – доме маминых родителей. Дом казался громадным, комнатам просто нет числа, по дому можно бегать. Был и двор с множеством хозяйственных построек. Не было одного – места (разве что в тайнике за гаражом), где я чувствовала бы себя в безопасности.

Сидя в чужой квартире, я возвращаюсь в маленькую счастливую обитель моего прошлого, но одновременно, в источнике ее света виднеется гигантская тень просторного, но пугающего дома. И мне все сложнее и бессмысленнее отделять одно от другого, я пытаюсь оставаться здесь, в настоящем.

Вчера мы полчаса сидели на лавочке у дома. Это могло стоить нам двух месяцев аренды. Любопытно примерять, какую цену я сейчас готова платить за кусочек внешнего мира.

Сегодня я испеку блины. С блинами, точнее блинчиками, я в семье практически первопроходец. Мама, конечно, пекла блины: на воде и иногда без яиц. Я много лет не решалась подходить к блинной сковородке, внушая мужу, что блины не поддаются женщинам. Однажды его не было дома, а мне очень сильно хотелось блинов. И понеслось. Я нашла в этом грандиозное медитативное удовольствие: теперь я, а не мама, отгоняла прибежавших на запах раньше времени, зато сама могла съесть все скомканные блины без очереди под видом спасения продуктов и оберегания близких от неликвида. Сейчас мама печет блины по моему рецепту (яйца, яйца и снова яйца, молоко, чуточку воды, мука, сахар, соль, растительное масло).

Мои сегодняшние блины будут начинены рисом с белыми грибами, засушенными и собранными собственноручно, в те времена, когда лес еще не был вне закона. Если у вас есть специальный пропуск для передвижения по городу, приходите на чаепитие. Маска и перчатки не обязательны.

То, о чем я остро сожалею сейчас:

- Я не всесильна
- Я не всесильна
- Я не всесильна
- Я не всесильна
- Я не всесильна

День 6

Вчера карантин продлили. У меня не было никакой заметной реакции. Перед этим сообщали, что медики просят губернатора продлить карантин хотя бы на две недели. Такое было совсем недавно, только вместо медиков была Терешкова, а вместо карантина сами знаете что. Забавно, что этот процесс вышел из-под контроля. Даже в жизни великих и могучих стратегов иногда встречается неопределенность.

Ранним утром муж пошел возиться с аккумулятором, а я бродила по двору, наблюдая за жизнью кошек. Поймала себя на липком ужасе и желании бежать домой после того, как женщина с балкона третьего этажа пристально разглядывала меня, а потом скрылась в доме. Я подумала, что она пошла звонить в полицию.

Я занята. У меня крайне мало свободного времени. Думаю, что проведя взаперти значительное время, я научилась наполнять его под завязку. Это отлично помогает не сойти с ума.

Днем я рискнула выйти еще раз, двигаясь в сторону магазина с такой черепашьей скоростью, чтобы заполучить хотя бы десять минут под открытым небом. В разных концах палисадника, алеющего тюльпанами, трудились с тяпкой две старушки. Они не оглядывались по сторонам, а просто не давали цветам своей жизни увянуть раньше времени в такую

нежную весну.

Теперь я знаю, что боюсь заточения меньше, чем людей, которые мне могут встретиться на пути свободы. И это не самое приятное знание.

Неизменно пока одно: утром я встаю и пишу. Орудую тлячкой и лейкой на собственной вордовской клумбе. Я думаю о своем устройстве. Сверху —свежие впечатления от мира: они живы, пока не вымыты руки. Струящаяся вода в ванной является сейчас более ощутимой границей для меня между улицей и домом, чем входная дверь, которую даже не хочется закрывать: какой дурак в карантин добровольно будет ломиться в помещение. Эти впечатления тают так быстро, что я не успеваю их схватить и облечь в слова, за исключением нерастворимых в воде и мыльной пене.

Чуть глубже – мои мысли, созданные этими впечатлениями. И они, многие из них, напротив, неистребимы. Порой, единственный способ от них избавиться – это заполнить ими другого человека, но зачатых врагов рядом нет. Еще глубже – воспоминания, всклокоченные мыслями и впечатлениями, смешанные с фантазиями и умозаключениями, возникшими давно и запертыми внутри меня на долгие годы.

А на дне что-то особенное, не имеющее формы, цвета, звука, запаха, времени и идей. Может быть, это нечто и есть Я, окруженная внутренними тюремщиками. Будем знакомиться. Внешняя тюрьма – отличное, беспроигрышное средство обнаружить все внутренние тюрьмы, в которые ты сам

себя однажды посадил.

Я фантазирую, как бы это было, останься я сейчас совсем одна, без связи с внешним миром. Думаю, я писала бы юмористическую прозу. От крайнего ужаса мне хочется хохотать до одури. А потом я снова могу дышать. Но я не одна. Квартира ассоциируется у меня с перинатальным периодом, с утробой матери. Как пройдет завершение карантина? Что будет сигналом для разрешения появиться на свет? Внутренняя активность узников чрева квартиры или срок, установленный свыше? А к тем, что захочет повременить будут применять щипцы или кесарево сечение?

Ужас поутих и появилось место для других чувств: тоски, уныния и безнадежности. В ужасе еще много свободы.

То, что спроецировано в будущее:

- Радость
- Воодушевление
- Восторг
- Ликование
- Задор

День 7

Я проспала и больше не являюсь единоличным представителем бодрствующих этим утром. Писать в такой атмосфере крайне непросто. Первая мысль сбита шумом воды в ванной, вторая – грохотом посуды из кухни, третья – под прицелом шагов. Когда моя дочь была маленькой, я приноровилась поздно ложиться спать и досыпать днем, вместе с ней. Благо, ее дневной сон продолжался до четырех лет. В темноте и тишине моя жизнь проявлялась в иных формах: темно-синих буковках на голубом экране, написанных под никнеймом, так крепко вжившимся в меня, что в определенных кругах меня до сих пор узнают, стоит мне его назвать. Начала виртуальной жизни на форуме я не помню. Кажется, я искала там работу в 2001 году. Мой персонаж пережил развод и новое замужество, несколько переездов, обучение в вузе, появление в доме собаки, пробу в нескольких профессиях, одна из которых отчасти приглянулась тем, что время в голубом мире не подвергалось ограничениям. С рождением дочери я сменила основную ветку: с «Женского вопроса» на «Родительство», с получением прав – проявилась в «За рулем». Жизнь была не только виртуальной, живые встречи обитателей форума оказались незабываемы. Интересно, как поживают сейчас пьяный таракан и Писатель, Шизофрения и Не леди, Идея и Провокация, Полуночник и Изя Шниперсон?

Форум был местом, где в крайне сложные времена моя семья получила огромную поддержку. Моему племяннику, заболевшему лейкозом, сдавали донорскую кровь люди знакомые и незнакомые. Практически каждый будний день на протяжении шести месяцев. Собирали деньги на трансплантацию костного мозга. Я впервые в жизни стояла с протянутой рукой, крайне уязвимая, сгорающая от стыда и потихоньку привыкающая к нему. Некоторых мер недостаточно, чтобы спасти жизнь. Вот только теперь я понимаю, что тогда спасли меня, восстановив мою веру в человечность, напрочь утраченную в других трагических событиях.

Я до сих пор с удивлением встречаю людей из той жизни: удивляюсь и радуюсь. Забавный миг каминг-аута никнеймов на обучающей гештальт-терапии группе, которому предшествовали долгие сомнения, говорить ли, кто я. Встреча на другой группе с консультантом по грудному вскармливанию, с которой я прежде была лишь заочно знакома на форуме, и звонила ей по столь деликатному вопросу, о котором тоже стыдно вспоминать. Ночные купания в море на коллегиальном выездном мероприятии с соратницей по «Паноптикуму», куда меня занесло лишь однажды, но обладательницу этого ника я читала давно и с удовольствием.

Некоторые из тех людей стали близкими друзьями. С некоторыми из них пути разошлись навсегда или увеличилась дистанция. Я окончательно ушла с форума, когда у меня появилось живое сообщество, в котором отсутствовало

дистанционное общение. Я уже могла иначе.

Сейчас я представляю, а что если бы сообщество перенеслось бы сейчас на этот синий фон, придумываю ники людям, которых знаю лишь по именам. И остро переживаю свою инаковость, обнаруживая насколько непросто для меня средний вариант: виртуальное видео. Ничто так больше не зависит от качества связи, от третьего фактора. Буквы можно скопировать и прислать вновь, если страница зависнет, но пробиться через другому через пикселированный экран сейчас мне кажется невозможным.

А если бы завтра оказалось, что так будет теперь всегда? Если это уже не нужно переживать, а просто такой стала жизнь: ограниченной и стабильной. Я могла бы зарабатывать и в таком формате своей профессией, да вдобавок писать тексты или выполнять какую-то черновую дистанционную работу. И, как верно отмечают поборники крайних мер, не выходить из дома весьма экономно. Будем считать, что вопрос финансовой безопасности решен в ближайшей перспективе. Правда я целиком и полностью оказалась бы во власти провайдера, но это нестрашно, у него нет короны. Что там дальше по пирамиде Маслоу?

Быстро пробегая по ней глазами, я не нахожу ни одного противопоказания против сегодняшнего образа жизни, ни одной возможности для возмущения. И куда подевалось мое Альтер Эго в форме протестующей Бабы Яги? Пришла пора и ей отправляться на покой, вытянуть костяную ногу да

поджидать добрых молодцев в виртуальной избушке. Топить виртуальную баньку, собирать снедь на виртуальный стол. А ежели заметит виртуального Кузьку, то тюрю ему в рот, чтобы жил-не тужил, крепко спал до виртуальной весны.

Сегодня муж в привилегированном положении: за ним приедет машина, имеющая пропуск, и отвезет его на свободу: сделать обмеры. Наверное, именно так выводили временно из концлагеря евреев-врачей, если в них появлялась острая нужда: окажи помощь немецкому офицеру, а после отправляйся назад, знай свое место. Мы не в концлагере, а муж ликует в предвкушении. Ему, в отличие от меня непривычно столько времени проводить дома.

Вчера мы впервые пошли в магазин совсем без необходимости, то есть незаконно. На улице ледяной ветер и ярчайшее солнце – редкое сочетание южной весны. Людей становится все больше: разнообразие масок, многие из которых несут эстетическое значение, важный маркер наличия блага в фармацевтических кругах. У нас масок нет. Сейчас я больше всего боюсь того, что в магазин запретят выходить без оной, и придется разбираться в юридическом термине «маска», что согласно ноте закона может быть отнесено к ней, а что не соответствует заявленным критериям.

На обратном пути зашли на почту, место, отсутствующее в списке разрешенных, но ежедневно работающее и собирающее около себя очереди: мечта любой казачьей бригады. Сборная посылка из Китая – привет из прошлой жизни, в ко-

торой дочка планируя дизайн будущей комнаты, выбирала удивительные для меня предметы интерьера – гобеленовый постер, замысловатые розовые часы на цепочке и гирлянду на стену. Сейчас – они словно ниточка в будущее, в котором эта комната ждет ее, несмотря ни на что.

Квартира же, в которой мы живем сейчас, постепенно заполняется этой будущей жизнью, мешая передвижению в настоящем. Кресло заняло четверть свободного места в проходной комнате, а матрас стоит у стены в изолированной: комнате дочки.

Все реже звучит в нашем доме речь. Кажется, мы как кошки общаемся на каких-то глубинных уровнях беззвучной передачи информации. Может быть, мы уже хоть немного кошки. Им хотя бы можно на улицу...

Раньше неким показателем счастья для меня была возможность провести дома целый день. Сейчас мне словно подарили порцию счастья, которую я неспособна переварить и наблюдают за этим, сидя напротив, строго следя за поглощением. Жаль, что я не Дениска, а это не манная каша, которую можно попробовать со всеулучшающим хреном, а в крайнем случае вылить на голову проходящему милиционеру

Я фантазирую о развитии ситуации. Быть может, нас начнут массово тестировать и выдавать пропуска лишь тем, у кого обнаружат антитела с разрешением выйти из дома через сорок дней после их обнаружения и исключительно

в одежде красного цвета. Или объявят, что карантин чудесным случайным образом открыл то, что в городах снизилась преступность, народ стал здоровее и счастливее, а для подтверждения, не откладывая в долгий ящик, проведут всенародный референдум. Или проведут принудительную вакцинацию одновременно с испытаниями вакцины. Или представят право решать выходить ли из дома народу, а платой за такой выбор будет добровольный отказ от медицинской помощи. Я очень надеюсь, что я плохой прогнозист.

История с карантином кажется мне донельзя смешной (если бы не было так грустно и страшно). Представьте, что в организме воспалился какой-то орган. Например, одну ногу поразила гангрена. А режут здоровую ногу. Очаг инфекции в нашей стране находится в одном месте, а наш край очень привлекателен для тех, кто хочет покинуть эпидемиологически-неблагополучный район. Оказывается, карантин нам нужен для того, чтобы уберечь нас же от заражения. Более разумного объяснения, почему именно мы, я не смогла отыскать. Время покажет. Или нет.

Вопросы, которые волнуют меня сегодня:

- Сколько часов разрешено ходить по магазину?
- Является ли поход к лесистому берегу Кубани законным, если моим лечащим врачом является натуропат, а лекарством являются свежесобранные грибы?
- Чем я могу быть полезна людям, имеющим машины с пропусками?

День 8

Сегодня маятник качнулся в другую сторону. Я проснулась в четыре утра и никак не могу уснуть вновь. Что ж, безусловной возможностью карантина является возможность спать, когда хочется. Хорошо это или плохо для меня я пока не знаю.

Я с любопытством заглядываю в себя и обнаруживаю там смирение. Я плохо образована и именно поэтому сейчас мне проще рассуждать о смирении: нет чужих ориентиров. Мне кажется, понимание смирения в нашей стране сильно отравлено существованием смирительной рубашки. Интересно, как ее название звучит на других языках, от какого корня образовано? Мне кажется, принцип смирительной рубашки полярен с-мир-ению. Смиряться для меня это примирять разные части реальности внутри себя, в смирении появляется свобода. А смирительная рубашка – это проявление насилия. Но в каком-то месте эти явления для меня соединяются. Мир в какой-то его части является такой вот смирительной рубашкой, как границей, как силой больше меня. Именно встречаясь с чем-то больше себя и признавая реальность таковой, опуская руки, я подхожу к бессилию – развилкой между смирением и беспомощностью. Смирение для меня означает способность добавить в свою реальность пазл того, что изменилось, подкорректировать ее и продолжать жить

в этом изменившемся мире. Беспомощность же – отказ жить и действовать; в беспомощности скрыт торг: «пока не будет по-моему, я не начну жить». Беспомощность питает депрессию, смирение создает переход к умиротворению. Умиротворение не равно покою, апатии, равнодушию и невовлеченности. Умиротворение – это умение жить в мире с разными чувствами, не отсекая их и не отчуждая, «творя мир внутри себя».

Это вовсе не «худой мир лучше доброй ссоры», это мир, в котором «и ссора нормальна».

Кажется, я близка к нему. Меня перестали раздражать призывы и лозунги, диванные эксперты и убежденные критиканы власти. Мне хорошо знакома каждая из этих ролей в отличие от роли созерцателя. Еще вчера я строила баррикады, а сегодня что-то неуловимо изменилось. Я не смотрю на входную дверь с вожделием или сожалением, не листаю ленту, не строю версий развития, я просто делаю свою работу. И пишу.

Мне кажется, что одним из самых страшных последствий катастроф прошлого века стала разобщенность тех, кто «нюхал порох» и тех, ради которого они его нюхали. Победители продолжали войну внутри своих семей, уничтожая детей, не знавших войны за их «глупые» чувства. Горькие слезы по поломанной игрушке, плохой оценке. Зависть подруге, которой купили кукольный домик. Злость и боль от окрика матери. Все это строило стену глухого непонимания. Им

были понятны лишь слезы на кладбище, зависть тем, у кого живы родные, злость на врага родины. Мировую войну сменила гражданская.

Сейчас я наблюдаю то же самое. Ужас врачей, находящихся на передовой, мгновенно становится обвинителем и обличителем людей, испытывающих горе «всего лишь» из-за вынужденной близости, потери определенности, денег, планов, или, о ужас, возможности сходить с другом в кафе. Словно в одном мире нет места для чувств всех этих людей. Словно можно и важно измерить, чей ужас сильнее.

Я была по обе стороны этих баррикад. Мой дедушка, выросший в раскулаченной семье, был очень жесток с нами, людьми, которых отчаянно любил. Он видел ад, и, поэтому, недовольство, проявленное, на его взгляд, по пустякам провоцировало его воссоздавать этот ад снова и снова. В своей семье. Его внутренний ужас, показанный мне, сделал меня взрослее сверстников, создал трещину между нами. После жизнь открывала для меня разные степени личного ада – я отдалялась от «обычных» людей все сильнее. Я искала тех, кто мог бы меня понять, а это были израненные люди, которым очень сложно было не ранить других из своих ран. Однажды моя дочь в сердцах сказала мне: «Мама, почему, почему ты не можешь просто жалеть человека?!» Только после этих ее слов я смогла наконец пожалеть себя, пережившую то, что я пережила. Только после этого я смогла быть с другими, не пережившими то, что пережила я.

Я думаю, что понимаю всех тех, кто нападает на других в отчаянном желании сохранить свою правоту, свою картину мира. Им кажется, что жалеть можно только правых. И с сожалением признаю, что все еще могу становиться такой вот нападающей, охваченной яростным чувством правоты. Но не сегодня.

На столе напротив дивана портрет кисти дочери. Ее первая работа маслом на холсте. Девушка с черными волосами в черных одеждах на черном фоне. Вспоминается Юнг с коллективным бессознательным. Плотные сжатые губы и бездонные печальные глаза, взгляд направлен внутрь. Первое время, глядя на картину я испытывала ощущение ледящей жути. А сейчас чувствую глубокую печаль. Скорбь. Но тут же вижу, как глаза теплеют, наполняются верой. Портрет оживает передо мной: девушка то сурово, то удивленно, то нежно смотрит на меня. Я всегда была поклонником творчества дочери, но сейчас оно приобретает для меня какое-то мистическое значение.

Удивительно, что моя дочь рисует. Этим она пошла в отца. Я мечтаю научиться рисовать словами. Это предел моих мечтаний. Рисование было самым страшным предметом для меня в начальной школе. Я уже не помню, меня ли конкретно невзлюбила учительница, или в целом была не особенно приветлива, а также того, что именно она делала или говорила. Я помню ее высокий рост, короткую стрижку и нахмуренный взгляд, словно говорящий: «Руки бы тебе оторвать»

за такие рисунки!». К рисованию добавились уроки труда, которые также вела она: я возненавидела шитье и приготовление пищи на долгие годы.

Потом была другая школа и другие люди. Учитель религии, которого ко второму году работы нагрузили ИЗО. И учительница труда, молодая красавица в удивительных нарядах собственного изготовления. Я сшила сарафан своими руками на уроках, а потом еще один дома на голом энтузиазме. Я рисовала Фродо, глядящего в колодезь Галадриэль. Мне не было стыдно. Сейчас, вспоминая об этом, я могу даже петь при свидетелях. И мне кажется, что из меня получился достойный ценитель искусства. Модельеров. Художников. Но рисовать я больше не хочу. Да и шить тоже.

В карантине я стала спать с куклой. Не так много вещей я взяла с собой в это временное пристанище, она же отправилась со мной без тени сомнения. Эту куклу подарила мне коллега на последней обучающей группе. Она шила их несколько дней – каждому человеку по кукле. Кажется, я впервые в жизни плакала от благодарности. Мне подарили меня. Я брала ее с собой в поездки, в которой было страшно одной. Я показывала ей мир и, одновременно, познавала его сама. Я любовалась ей и заплетала ей косы, когда ее волосы казались мне растрепанными. В детстве у меня не было никакой любимой куклы, а сейчас есть.

И мне не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность всем тем людям, которые оставались людьми рядом

в те моменты, когда я утрачивала свою человечность. Я могу лишь оставаться такой с теми, кто утратил ее....

То, чем я люблюсь сегодня:

– Бронзовая баба Яга из Пятигорска, купленная в Краснодаре, но все равно связанная с частью, влюбленной в Пятигорск

– Перекидной календарь с картиной, выбранной для апреля. И. Шишкин «Сосна на песке»

– Ялтинская луковица, купленная при отъезде с Азовского интенсива, выпустившая ярко-зеленые стрелы. Зеленый с фиолетовым – потрясающе

– Рассвет (есть прелесть в очень раннем пробуждении)

– Спящий муж

– Не покрашенная седина

P.S. Смирительная рубашка – «узкая» в английском и «принудительная» в немецком и французском, испанском и итальянском; в хорватском – сумасшедшая

День 9

Тринадцатого апреля объявлена премьера сериала: «Зулейха открывает глаза». По удивительному совпадению я несколько дней назад приступила к чтению книги – основы сериала, вероятнее всего успею к тринадцатому. Я читаю ее очень медленно, пропуская через себя концентрированную жизнь. А может быть «концентрационную» в данном контексте звучит точнее. Становится ли концентрационная жизнь концентрированной? Одно я знаю точно, иногда в жизни происходит нечто, что определяет ее центр, центр ее окружности. Страшно, когда таких центров несколько, и окружности даже не пересекаются. В терапии мы бережно нанизываем их на одну ось, чтобы жизненное колесо могло продолжать осязаемое движение. Хотя даже когда мы не движемся по дороге жизни, то мы плывем по ее реке.

Мы все в одной лодке. Закрывающиеся границы, отрезаемые друг от друга страны и люди только усиливают это ощущение. Сопричастности, объединенности. Говорящие на разных языках, еще не научившиеся говорить, утратившие речь и глухонемые от рождения. Отрицающие и паникующие. Стремительно беднеющие и столь же стремительно обогащающиеся. Грешные и добродетельные. Жестокие и милосердные. Экстраверты и интроверты. Утратившие привычный образ жизни и закрепившиеся в нем. Растерянные и уверенные.

Пышущие здоровьем и хилые.

Как мы оказались в этом ковчеге, не будучи парными? Ведомые микроскопическим Ноем-Хароном. И нет иной земли обетованной, кроме днища. И нет иных небес, кроме человечности. Никто не погибнет, никто не спасется. Каждый из нас продолжить жить, и иной жизни ни у кого из нас не будет. Кому-то взгрустнется или посчащливится, а скорее все это сразу, обнаружить себя здесь, в своей единственной неповторимой жизни, в которой все мы связаны по факту вступления на палубу, в которой мы все плывем в одном направлении на разных кораблях – одном корабле.

Когда о карантине ходили лишь слухи, сопровождающиеся многочисленными комментариями о том, что уж в нашей стране все будет иначе, первая категория людей, о которой я затревожилась – это собаки и их владельцы, мне и в голову не могло прийти, что именно по отношению к ним будут введены послабления, узнав о которых я вздохнула одновременно с облегчением и сожалением о том, что Фокс не дожил до этих дней.

Фокс, наша такса, точнее такс, оказался той главой моей жизни, предсказать которую было совершенно невысмыслимо. В моей семье не было собак. Совсем. Дедушка считал, что «когда три бабы в доме, то собаки не надо», но, кажется, попросту боялся их. Поэтому их дом был редчайшим местом в станице, из-за забора которого отсутствовал лай, во всяком случае собачий. В квартирах, а тем более, таких крошечных

в те времена никому не приходило в голову заводить собак, поэтому родители держали котов, которых я неизменно притаскивала в дом, несмотря на все мамины протесты.

Когда мне было около восьми лет (возможно и больше, но в такие моменты резко регрессируешь) меня окружила стая бродячих собак. Все закончилось благополучно, их разогнал случайный прохожий, но ужас при виде собачьих контуров поселился во мне надолго. Моя сестра, напротив, с раннего детства была помешана на собаках всех мастей и размеров. Псы увязывались за ней, сопровождали до квартиры и ложились у двери, охраняя ее от врагов. Пару таких собак пристроила мама, оказавшись в заложниках у тяги к животным своих дочерей.

Я совершенно не помню, как возникла идея завести собаку. Помню лишь, как реализовала это решение, обещая будущему еще тогда мужу в ответ на его согласие полный уход за псом и вечное рабство во всех его тайных пожеланиях. Надо ли говорить о том, что я нарушила оба этих обещания.

Тогда мы снимали квартиру, еще еще меньше той, из детства. Думаю, что меня отговаривали все, но это лишь усиливало мою решимость. Вот так в нашем доме появился Фокс, крошечный щенок таксы, помещавшийся на ладошке и пахнувший материнским молоком. Первую же ночь он провел в нашей кровати и поселился там навсегда. Лишь последние пару месяцев перед смертью, будучи слепым, глухим и ослабевшим настолько, что не мог с нее даже спуститься (заби-

рался туда он последний год, скуля рядом с ней и ожидая, пока чьи-то руки его потащат вверх), он покинул свое любимое местечко. Тогда он вновь стал пахнуть, как щенок. Время словно собралось в кольцо для него, а мне остались воспоминания о самом удивительном существе в моей жизни.

Индивидуальными особенностями этого пса (я буду кратка здесь в описании видовых свойствах такс, могу лишь посоветовать вам завести их, если вам надоели полы, двери, обувь, мебель, а у вас не поднимается рука поменять их на что-то новенькое, впрочем к новенькому вы просто перестанете успевать привыкать, если решитесь на эту чудесную породу) были его крайнее дружелюбие к незнакомцам, как проходящим в дом, так и встреченным на улице (исключение при этом составляли две категории – некоторые пожилые люди и пьяные, всем своим видом он демонстрировал, что разорвет их на части, если мы только дадим ему волю) вкуче с серьезной агрессией в адрес своих хозяев: у каждого из нас сохранилась метка от его зубов. Я убеждена, что он считал нас с мужем низшими существами, приставленными к нему, чтобы его жизнь была полна вкусовости, развлечений, а также, чтобы мы согревали его телами в запоздалый отопительный сезон. И он был абсолютно прав.

Здесь я приведу лишь одну историю, во многом отражающую всю последующую жизнь с ним. Я была беременна, а значит, ему было два года. К тому моменту он привык, что когда я дома (я работала по сменному графику два – два), то

нахожусь в его полном распоряжении и обязана по первому требованию выходить с ним по нужде. Для этого были заготовлены разные виды скулежа: от выдерживаемого мной, хотя и с усилием, до вынуждающего подчиняться немедленно. Так как при нашем с мужем отсутствии на работе, он ни разу не сделал ни одной лужи, то физические возможности терпеть у него присутствовали. Когда я была дома, он требовал прогулки каждые два часа и получал, как вы уже поняли, их в полной мере. А сейчас я ждала ребенка и мне (это не-возмож-но!) требовалось его переучить.

В первый год своей жизни, когда он начал уничтожать квартиру, прорыв в новом раскладном кресле нору и разрыв линолеум на кухне, тем самым приведя к «выбирай, или я или он» от мужа, я отвоевала собаку, обещав нанять ему инструктора. У нас не было машины и денег на такси. Не знаю, каким чудом мне удалось договориться с инструктором о выездах на дом. К счастью, рядом с домом был огромный стадион – по совместительству площадка для обучения собак. К его приходу Фокса надо было довести до той степени голода, чтобы он подчинялся. Выпрашивая еду, он использовал свою беспроегрышную систему скуления. Первым сдался муж после нескольких бессонных ночей и совершенно ни к чему не приводящих занятий. Фокс остался дома, идея дрессировки была пересмотрена.

Вот эту собаку мне нужно было научить терпеть молча. В его поведении была удивительная особенность: звуки по-

являлись, стоило мне присесть или прилечь, в общем, начать бездельничать. Когда я спала или была занята делом, он стойко молчал. Помню, стоящую себя у гладильной доски с секундомером. Я десятый, а после – сотый раз переглаживала распашонки, некогда служившие мне самой, изображая деятельность для моей собаки, и ежедневно выходя с ним на прогулку на десять минут позже, чем накануне. Однажды первая прогулка совпала с приходом с работы мужа. Это была победа.

Помню, как он встречал меня с роддома, как вылизывал мои пальцы и скакал вокруг меня, словно меня окружила целая орава. Как насторожился, услышав звуки из кровати. Как визжал и просился туда, страстно желая познакомиться. Как вводила новые правила нахождения его в кровати – в ногах, и помню, что они работали, но разбираю фотографии, и он лежит на подушке прямо рядом с дочерью. Только недавно, уже после его смерти, муж признался, что строго поговорил с псом после появления дочери. Сказал, что если он тронет ее хоть раз, то вылетит отсюда. В этом ли было дело или в чуткости к детям, но к Полине он никогда не прикасался зубами, чего нельзя сказать о ее игрушках: вовремя не убранные были найдены с отверстиями вместо глаз и носов и напоминали персонажей фильмов ужаса.

Подрастая, Полина придумала Этикетку – персонажа, который был точной копией Фокса, но которого она, в отличие от нашего пса дико боялась, наделяя присутствием Этикетки

темные комнаты. Наверное, именно так появляется и страх Бабы Яги, как вытесненный ужас матери. Или бабушки. Сейчас она ничего не помнит об Этикетке.

Он прожил непомерно долгую по собачьим меркам, но горько короткую по человеческим, жизнь – 15,5 лет. Он похоронен год назад в февральском лесу, благоухающем ароматом цикламенов, поляны которых растапливают заиндевевший лес после недолговечной кубанской зимы. Теперь там его самая надежная нора.

Главы ненаписанной мной книге о Фоксе, но оставленные летописью его жизни:

- Фокс и гнездо, вырытое в кресле
- Фокс, банковская карта и пуговицы рубашки
- Фокс и овцы
- Фокс и охотничья маскировка (преимущественно с помощью остро пахнущих субстанций)
- Фокс и рыбалка
- Фокс, ежик и едва спасенная рука хозяйки.
- Фокс и путешествия
- Особые приметы Фокса: лысый хвост и порванное ухо.
- Фокс и угрызения совести

День 10

Говорят, чтобы сформировать привычку, необходимо две недели. Я привыкла к карантину раньше. Видимо, навык был выработан в прошлом, а сейчас быстро восстановился.

Впервые я близко столкнулась с карантинном в начальной школе – моя одноклассница заболела Боткина, или по-простому желтухой, и меня проверяли с особым пристрастием: насторожили мои пожелтевшие белки.

Итак, меня (скорее всего, весь наш класс, но об этом я не помню) отправили на карантин. Помню визит СЭС к нам домой. Маму, моющую подъезд хлорным раствором и липкое ощущение ужаса. От «карантина» веяло чем-то зловещим. Вероятность же «школе быть отправленной на карантин» звучала для меня чем-то похожим на расстрел. Я не помню, чтобы спрашивала, что означают непонятные и пугающие слова – присказка о Варваре, поплатившейся носом за свое любопытство долго определяло мое поведение. Даже училась я весьма интересным способом. Как только нам выдавали учебники, обычно за несколько дней до первого сентября, я штурмовала некоторые из них, штудировав каждую страницу. Решала вперед все задания по математике, в которых могла разобраться, читая учебник. Проглатывала литературу. Чуть позже такое же пристальное внимание я уделяла английскому языку, биологии и географии. Русский

и история оставались для меня невидимыми: открывая их я испытывала различные проявления СДВГ, внезапно на меня свалившиеся.

Мой диалог с книгами позволял свести к минимуму диалог с людьми, вызывающий у меня массу опасений, особенно если на них был надет белый халат или они держали в руке указку.

Сейчас, сидя на карантине за то, что я являюсь жителем города Краснодара, я вновь нахожу спасение в книгах, которые кто-то неведомый выстроил внутри меня, игнорируя алфавитный порядок. Некогда они были прочитаны мной: буквы, пробелы и знаки препинания перемешались в грудe бессвязных предложений, и я бережно распутываю их, а после строчу собственный неповторимый узор. «белки моих глаз пожелтели»

Сегодняшний день завершает карантинную декаду, чтобы завтра открыть новый десяток. Удивительное ощущение, что позади от силы двое суток. Гораздо сильнее спрессовались девять лет, проведенные мною дома после рождения дочери. Полтора года из этих девяти я видела людей, помимо тогда еще очень маленькой дочери и мужа, приходящего домой лишь ночевать, не чаще раза в неделю. Мы жили в двадцати километрах от города в первом собственном жилье, отрезанном от привычного мира. Из этих полутора лет я могу легко вспомнить не более трех дней – день рождения дочери, поездку в лес и день, точнее ночь, когда у нее резались

зубы, и она издавала нечеловеческие звуки, а засыпала лишь в процессе езды по пустому ночному поселку. Вглядываясь в остальные дни, хоть и разделенные с людьми, но наполненные преимущественно бесцельным существованием, можно наскрести еще десяток ярких воспоминаний, но большей частью они покрыты пеленой небытия. После окончания этого периода я прожила шесть ярких лет, тянущих на пару десятков, и существенно омолодивших меня. Время весьма субъективно.

Я привыкаю к заключению, мне будет непросто выйти из дома вновь. Я буду медленно привыкать к разрешенному свободному перемещению, к живым людям и своему кабинету. Я буду уставать от новизны звуков, и запахов, и возможности прикосновений, мне вновь придется встраивать это в свой усеченный и уже целиком устраивающий меня мир.

Это место постепенно становится моим домом. Старый продавленный диван, вынуждающий делать ненавистную зарядку по пробуждению, а ночью вновь, как в те времена, когда мы не знали ничего лучше таких вот диванов, крепко прижиматься к мужу. Скоро у каждого из нас будет достаточно места в совместном ложе, слишком много места для двоих. Крошечная кухня, не позволяющая делать никаких запасов – исчезли крупы с долгоносиками, залежи муки, макарон, орехов и тростникового сахара. Подточили даже сушеные грибы и помидоры, грозно оберегаемые мной от покушения повседневного поглощения пищи. Кто знает, сколь-

ко гречки бы я накупила, будь у меня место для хранения. Колонка, живущая по никому не известным законам; боюсь, что не успею познакомиться с ней так хорошо, чтобы она могла служить мне по назначению. Совмещенный санузел, на котором неплохо бы вывесить график посещений с указанием цели визита. Балкон, площадь которого позволяет разместиться на полу половине человека. Мы живем десятые сутки в тесноте, но, что оказалось для меня совершенно непредсказуемым, не в обиду. Думаю, что в новой квартире необходимо оборудовать входную зону, в которой будет оставаться напряжение, вносимое из внешнего мира.

Мне перестали сниться сны. Их заменили «утренние страницы» хроники. Недаром, иногда, я пишу их в то время суток, в которое большинство людей превращается в сновидцев – предрассветные часы. Мой первый опыт словотворчества, точнее стихотворения связан с лучшей подругой детства, Кристиной. Копаясь в земле, мы создали это:

В земле нашел я червяка

И изучил его слегка.

Пошел к профессору червей

И изучил червей сильней.

Воодушевленная, я поделилась с мамой, и стихотворение стало в ряд с множеством цитат, которые она могла извлечь из недр памяти к любому случаю. Это было самой лучшей поддержкой. Я приписала его герою прошлой книги, не планируя продолжать писать, тем более о себе.

Как это ни странно, в школе я ненавидела все, где было необходимо выражать собственное мнение – сочинения и изложения. Впрочем, нет, это не было странно.

Писатель появляется из читателя. Я бегло читала в пять и проглатывала все, что было в доме, а потом все, что было в библиотеке, получая одной из первых эксклюзивный доступ к новинкам. В моей памяти перепутан реальный опыт и опыт литературных героев (особенно много просочилось его внутрь из «Пионеров-героев»), я не всегда могу сказать наверняка, было это со мной или я глубоко прониклась прочитанным. Самое страшное началось, когда я добралась до Эрл Стенли Гарднера и Агаты Кристи. Во сне, дрожа от ужаса, я разгадывала убийства. Трупы оказывались в гараже, под кроватью, на крыше, в парке и даже в пожарной службе, над которой мы жили.

До появления в моей десятилетней жизни «Властелина колец», точнее «Хранителей» – первого тома трилогии, случайно, из-под полы добытого папой в книжном, забитом политической макулатурой, у меня не было литературных предпочтений. Я была всеядна. К тому же никакая из книг не могла сравниться со сказками на ночь от папы про Черные дыры во вселенной и мамы про ее бабушек: Раю и Лушу, про производство консервированного зеленого горошка на огромном консервном комбинате, рядом с которым мы жили и в библиотеке клуба которого работали родители. Это было счастливое время, мне не было нужды писать.

В двенадцать у меня появился первый дневник в сорока восьми листовой тетради в красной клеенчатой обложке. Когда мне было около двадцати, я сожгла его, чтобы не сгорать от стыда в те моменты, когда его перечитываю (а не перечитывать его я не могла). Вспыхивала я вовсе не от событийного ряда, а от собственного лексикона, преимущественно описывающего кто с кем «лазил» в моей достаточно внушительной подростковой компании. Сейчас мне жаль этого дневника, по-моему, из него получился бы замечательный памятник подростковой культуры.

Второй дневник появился в девятнадцать и в противоположность первому не содержал внешнего событийного ряда вообще: на нем впервые проявились следы внутреннего мира в прозе. Стихи я начала писать чуть раньше. Около семнадцати. Одно из них, совершенно ужасное, было даже опубликовано в «Литературной газете Кубани». Кажется, ее я тоже сожгла.

Из сора жизни, ближе к ее второй половине, стали появляться зарисовки. Я очень хорошо помню ту, после которой я стала писать всерьез. Столовая в «Буревестнике», место, где проходил сочинский интенсив несколько лет назад, описанная в Фейсбуке легкими мазками ради того, чтобы избавиться от терзающей меня тревоги. Превращаясь в слова и картинки, она оставляла меня в покое. Чей-то отклик: «Как здорово вы пишете!» Тогда началась моя вторая жизнь, видимо та, что обычно приходит в сорок, но меня настигла

несколько раньше.

Пошел третий год, как я научилась из волокон внутреннего хаоса, быстро двигаясь по веретену клавиатуры, плести пряжу для амигуруми, в которых легко угадываются персонажи моего прошлого и настоящего.

Книги, в которых я продолжаю жить:

- «Идиот»
- «О созданиях больших и малых»
- «Дом, в котором...»
- «Домовенок Кузька»
- «Финист, ясный Сокол»
- «Орден желтого дятла»
- «Про ежика и медвежонка»
- «Анна Каренина»
- «Властелин колец»

День 11

Вчера в тихой гавани моего некогда насильственного, а ныне добровольного заточения, возникло тревожное поветрие – с понедельника ожидается послабление ограничений. Собралась на работу мама, стал веселее голос мужа, оживились уставшие от домовщины комментаторы новостей. Заволновалась ровная водная гладь, пошла трещинами, закачалась, укачивая мое спокойствие. Того и гляди начнут накатывать волны, приглашая на главную сцену девятый вал.

Будучи так близко к «продаже козы», к возвращению свободы, я вновь попадаю в замешательство. Мне снова нужно время – впускать в себя свободу маленькими порциями, словно выходя из голодовки. Самое опасное – оказаться перед обилием пищи, будучи истощенным от голода и привыкнув существовать на хлебе и воде. Самое опасное – обрести вспышку энергии, все еще стоя на краю обрыва депрессивной ямы. Самое опасное – утратить свои цепи и обнаружить, что они были тем единственным, что даровало безмятежность.

Все только начинается, а я вновь и вновь учусь жить в столь непостоянной реальности. И все же есть земная твердь под моими ногами, даже если это водная гладь. И все же вокруг достаточно воздуха, даже если мои легкие устали дышать.

Я не загоняла себя перед карантином, и мне не от чего было отдыхать. Мой темп работы и отдыха не изменился, пусть даже оказался наполнен иным содержанием. Несмотря на внешние обстоятельства, даже в этой тихой гавани, продолжалась глубоководная, скрытая от посторонних глаз, но от этого не становящаяся менее волнительной, жизнь. Внешние волны бессильны перед ней. Ее не разметать и подземным толчком.

Даже если я здесь, лесная грибница выпускает наверх своих соглядатаев. Даже если я здесь, в речном песке копошатся чайки. Торжествуют словно опоенные валерианой коты. Белки в клочковатой одежде, смеясь, пружинят по трамплинам ветвей. Жизнь меняет форму, отвечая на сумму векторов всех действующих сил – видимых и невидимых. Жизнь продолжается, даже если я останусь здесь навсегда.

Ежегодные летние каникулы у бабушки – без лучшей подруги, детских книг, школьных учебников – время, соединенное с летним зноем, и кончавшееся с каждым приходом учебного года, невероятным образом переместилось в зарождающуюся весну. Как узнать, когда пора выходить, когда утрачены привычные ориентиры? Что станет внутренним разрешением и внутренним запретом? Точно не распоряжения властей.

Тают электронные страницы «Зулейхи...». Время, о котором я знаю лишь по рассказам бабушки. Время, в котором несмотря на коллективизацию, голод, войну, репрессии,

послевоенную разруху продолжалась жизнь. Бабушкин отец пропал без вести в самом начале войны. Все четверо его дочерей выжили, получили хорошее образование, вырастили детей и внуков. Трое бабушкиных дядьев, вернувшиеся живые из ада с множеством наград, не оставили никого после себя.

О судьбе бабушкиного отца, моего прадеда узнали не так давно. Он погиб в концлагере. Живы три его дочери, восемь внуков, одиннадцать правнуков, четверо (а может уже и больше) праправнуков. Жизнь продолжается.

Жизнь наращивает свою мощь в трудные годы, словно весенняя река, питаемая тающими снегами. Жизнь мелькает в изобилии. Жизнь защищается коркой льда от разрушительного мороза, не прекращаясь в глубине.

Чем дольше длится карантин, тем явственнее я вижу скрытое в своих глубинах. Тем больше воздуха могут запасти мои легкие, тем глубже я могу нырнуть за жемчугом, пусть даже раз за разом добываю лишь песок. Жемчуг начинается с песчинки.

Карантин отменили, но моей деятельности пока нет в списке разрешенных с понедельника. Обращение губернатора практически не содержит конкретики, кроме той, что по городу теперь можно передвигаться на машине, а за город по-прежнему нельзя. Жду разъяснений. Зато появилось объяснение о введении карантина, адресованное президенту. Как я и думала связано это с тем, что на выходной неде-

ле люди из очага массово рванули на Кубань. Ну что ж, я хотя бы могу проследивать их логику, это сохраняет совершенно дурацкое в этой ситуации ощущение контроля.

Сегодня пасмурно, я поздно встала и мне тяжело писать. Я люблю, когда дождливо и тепло. В такие дни я могу гулять особенно долго: вокруг много людей с зонтами, каждый словно в домике. Дистанция, очерченная площадью зонта. Когда я гляжу на мир с балкона в солнечные дни, то вижу людей под зонтами, но без зонтов. И лишь выгуливаемых собак не трогает невидимый дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.